

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 79
Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 79
Collection of papers

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

В.Н. Григорьев, А.В. Победкин

СМЕНА ЗАДАЧИ В ПОИСКАХ РЕСУРСОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-03-00413.

Современные попытки удешевления уголовно-процессуальной деятельности выливаются в ее «упрощение» за счет снижения уровня надежности гарантий как конституционных прав и свобод граждан, так и правильного установления обстоятельств по уголовному делу. Такой вектор динамики уголовно-процессуальной формы является не развитием, а «свертыванием» уголовно-процессуальных гарантий и, в конечном итоге, способен привести в тупик. Выход – в смене приоритетов поиска дополнительных ресурсов повышения эффективности уголовного судопроизводства, освобождении от многочисленных бюрократических элементов, активном внедрении интернет-технологий на основе разумной декриминализации.

Ключевые слова: смена научной задачи, уголовно-процессуальная деятельность, удешевление уголовного процесса, конституционные права и свободы, уголовно-процессуальные гарантии, декриминализация, бюрократические элементы уголовного процесса, интернет-технологии.

Ресурсы для нормального функционирования и дальнейшего развития уголовного судопроизводства ищут в сокращении процессуальных гарантий, секвестировании элементов процесса доказывания, наделении признания вины статусом решающего доказательства, достаточного для осуждения, в перекладывании бремени доказывания на преследуемого. Более 15 лет уголовно-процессуальная форма неуклонно упрощается. Вводятся новые сокращенные особые порядки, обсуждаются варианты ускоренных процедур досудебного производства, по сравнению с которыми и подзабытая протокольная форма досудебной подготовки материалов (упраздненная именно по причине низкого уровня процессуальных гарантий) уже кажется вполне надежным средством обеспечения прав человека.

Впору задаться вопросом: почему маховик упрощения раскручивается, а желаемого результата получить так и не удается? Где предел упрощения и есть ли он? Не является ли сокращение уголовно-

процессуальных гарантий, ускорение, удешевление уголовного процесса тупиковым путем?

Конечно, нет оснований для вывода о том, что современное уголовное судопроизводство России твердо держит путь в тупик. Однако для отдельных направлений или векторов развития такая постановка вопроса не беспочвенна. Полагаем, что многочисленные попытки «упростить» уголовно-процессуальную деятельность для ее удешевления и облегчения работы органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (следователей, дознавателей, судей), зашли в тупик, а наращивание усилий в этом направлении – экстенсивно и бесполезно.

В силу разных, не исключая субъективных, причин ресурсы выискиваются за счет отмены или явного сужения сферы действия процессуальных гарантий, обеспечивающих конституционно-значимые положения. Речь не только о правах и свободах граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве. Уголовное судопроизводство – отрасль права, само существование которой предопределено социальной потребностью в обеспечении безопасности, государственной защите от преступных проявлений, нашедшей отражение в Конституции Российской Федерации в качестве полномочий государства на обеспечение такой безопасности и защиты (ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 56 Конституции и др.). Утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1] прямыми угрозами государственной и общественной безопасности называет преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, коррупцию (ст. 43).

Процедуры с выхолощенными процессуальными гарантиями снижают эффективность правильного установления обстоятельств по уголовному делу, не позволяют сформировать убежденность как должностных лиц, ответственных за осуществление уголовного судопроизводства, так и общества в выявлении и осуждении действительно виновного в совершении преступлений. Следовательно, страдают гарантии обеспечения национальной безопасности.

В связи со сказанным хотелось бы отдельное внимание обратить на институт особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, лежащий в основе и в

значительной части воспроизведенный в конструкции институтов других особых производств (при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, при освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, дознания в сокращенной форме). Такой институт, складывается впечатление, всех устраивает. Судью – потому что не надо проводить судебное разбирательство, мотивировать приговор, который, кстати, не может быть обжалован в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 317 УПК РФ). А степень напряженности и ответственности в работе следователя не может не измениться при осознании им последующего проведения судебного разбирательства в особом порядке. «Очень удобно следствию, очень удобно судам – всем удобно», – с иронией констатировал во время парламентских слушаний в Совете Федерации заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации В.А. Давыдов, критически оценивая такой порядок уголовного судопроизводства [2. С. 8]. Фактически он является «отказом от правосудия», ставит суд в положение органа, осуществляющего уголовное преследование, который «проштамповывает» материалы предварительного расследования [3. С. 27–30].

Созвучные идеи были обнародованы 2 марта 2017 г. в Верховном Суде Российской Федерации на научно-практической конференции на тему «Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования» [4]. На этой конференции, в частности, прозвучало, что «из-за нестабильности, разбалансированности и противоречивости действующих материальных и процессуальных норм судьям становится все труднее обеспечивать проведение судебных разбирательств, оценивать доказательства, выносить судебные решения, возникает ряд других проблем. Все это происходит в том числе и потому, что законодатель, как нам думается, не знает четко, в какую сторону двигаться, какими правилами руководствоваться при формировании правовой основы борьбы с преступностью и не всегда соотносит принимаемые акты с целями правового государства и конституционно-значимых ценностей» [5].

Слабость позиций сторонников упрощенчества в отечественном уголовном судопроизводстве и в том, что в национальных традициях

не заложен приоритет дешевизны, выгоды, целесообразности перед истиной и справедливостью. «Действующее уголовно-процессуальное законодательство в своем развитии содержит явный крен в сторону упрощенчества, присущего западным моделям производства по уголовному делу, – аргументированно отмечает Ю.В. Астафьев, называя отход от жесткой формализации системы собирания, проверки и оценки доказательств по уголовному делу «отказом от исторической самобытности российского уголовного процесса, возникшего на своей национальной почве, с учетом социальных, общественно-политических российских условий» [6. С. 183, 185].

Не заглядывая в седую старину и даже не обращаясь к инквизиционной практике в Западной Европе, возьмем для иллюстрации сравнительно недавний отечественный опыт, зарождение которого относят к началу прошлого столетия на территории современного Крымского федерального округа Российской Федерации – изощренные попытки облегчить, упростить работу органов уголовной юстиции, которые из-за возрастающей нагрузки, несмотря на небывалый энтузиазм и активность, с трудом решали свои задачи.

Л.М. Абраменко, советник юстиции, написавший несколько историко-юридических работ по теме репрессий в стране в минувшем веке, обратил внимание на несколько процессуальных нововведений, характерных для крымских расстрельных приговоров, не встречавшихся ранее и явившихся, возможно, практическим ответом на вызовы, с которыми столкнулись советские органы в Крыму, решая задачу обеспечения уголовной репрессии в отношении больших групп лиц в короткое время. Это самый простой и очевидный путь: упрощение процедуры документального оформления применения репрессий.

Среди таких приемов процессуального упрощения названы: применение репрессий не индивидуально, в зависимости от тяжести совершенного преступления и личности обвиняемого, а сразу к группе людей по многочисленным спискам; применение репрессий к лицам, которые ни разу не допрашивались, которым не предъявлялось обвинение, не говоря уже о выполнении других обязательных процессуальных требований [7. С. 207]. Вскоре такая процессуальная система получила широкое распространение не только в Крыму, но и на континенте [7. С. 208].

Авторы не допускают даже мысли о том, что в современной России и близко возможно такое. Однако для демонстрации последствий

неумного упрощенчества это яркий пример. К тому же важен принцип: упрощение процессуальной формы, не ограниченное взвешенными научно-обоснованными пределами, ориентированное исключительно на ложно понятые профессиональные интересы, фетишизацию экономии, всегда чревато опасностью вступления в противоречие с интересами общества и государства по обеспечению защиты от преступности. Не могут не пострадать и права личности, в том числе и конституционные.

С публичным предназначением уголовного судопроизводства ряд характеристик уголовно-процессуальной формы сегодня конфликтует. К таким характеристикам относятся:

- достаточность для принятия итогового процессуального решения согласования позиций сторон при необязательности выяснения действительных обстоятельств совершенного преступления;

- отказ от решения вопроса о виновности в совершении преступления на основе совокупности доказательств по результатам полноценного процесса доказывания (сбор, проверка и оценка доказательств)¹;

- обеспечение быстроты и простоты судопроизводства за счет ограничения сферы действия таких принципов, как презумпция невиновности, право на защиту, равенство граждан перед законом и судом, свобода оценки доказательств;

- возрождение «царицы доказательств» (придание значения решающего доказательства признанию обвиняемым своей вины по большинству уголовных дел, рассматриваемых в судах).

Сегодня уже всерьез предлагают предусмотреть в законе ограничение содержания приговора лишь резолютивной его частью по аналогии с арбитражным судопроизводством [9. С. 137–143]. Шаги в этом направлении уже сделаны и законодателем. Возможность оглашения только вводной и резолютивной части приговора расширена за счет уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 7 ст. 241 УПК РФ).

¹ Ю.В. Францифоров справедливо замечает, что право дознавателя не проверять доказательства, которые не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим, его представителем при производстве дознания, в сокращенной форме противоречит не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного процесса, в частности ст. 17 УПК [8. С. 148].

Никому, конечно, и в голову не придет обвинять современных деятелей юстиции в попытках насадить сегодня порядки, аналогичные приведенным крымским. Однако параллель применяемой схемы намечается: 1) справиться с валом (задача); 2) упростить и ускорить работу органов уголовного судопроизводства (основной ресурс для решения задачи); 3) упростить процессуальную форму (основное содержание ресурса).

Главная причина тупикового вектора состоит в неадекватности определения содержания основного ресурса. Даже упрощение работы органов уголовного судопроизводства видится законодателю не в устранении бюрократических элементов, а в ограничении процессуальных гарантий, ради которых уголовно-процессуальное право и существует в качестве самостоятельной отрасли права.

Нормативно-правовой порядок должен обеспечивать, прежде всего, общественные потребности гражданского общества в справедливом правосудии и лишь в последнюю очередь интересы служителей Фемиды и удобную им форму служения правосудию.

Выход из тупика возможен другими путями:

- снизить нагрузку на систему уголовного производства путем разумной декриминализации, очистить Уголовный кодекс Российской Федерации от запретов, обусловленных конъюнктурными соображениями;

- максимально исключить бюрократические элементы из процессуальных отношений и ведомственных инструкций, вернув процессуальную самостоятельность следователю и наделив основными ее элементами дознавателя, полномочия которого сегодня мало чем отличаются от полномочий следователя;

- обеспечить интенсификацию работы должностных лиц органов юстиции за счет внедрения унифицированных форм судопроизводства, сделав акцент на его компьютеризации;

- развивать в качестве одного из стратегических направлений научного обеспечения уголовного судопроизводства разработку вариантов внедрения в него блокчейн-технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

2. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Вопросы совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации: тенденции и перспективы». 24 июня 2014 года. М. : СФ ФС РФ, 2014. 44 с. URL: <http://www.crime.vl.ru/media/stenogramma.pdf> (дата обращения: 13.03.2018).
3. Пронякин А.Д. Упрощенное судопроизводство как путь к отказу от правосудия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4. (60). С. 27–30.
4. Научно-практическая конференция «Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования». URL: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=11299 (дата обращения: 13.03.2018).
5. Зеновина В. По мнению научного сообщества, в России нужно принять концепцию развития уголовной политики. URL: <http://www.garant.ru/news/1096082/#ixzz4aoXYi8ed> (дата обращения: 13.03.2018).
6. Астафьев Ю.В. Участие оперативно-розыскных органов в расследовании преступлений: забытый опыт прошлого // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 180–185.
7. Абраменко Л. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев : МАУП, 2005. 480 с.
8. Францифоров Ю.В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 146–150.
9. Тарасов А.А. Протокол судебного заседания по уголовному делу: о допустимости и полезности некоторых аналогий // Библиотека криминалиста. 2016. № 29. С. 137–143.

CHANGE OF TASK IN SEARCH OF CRIMINAL PROCEEDING RESOURCES

Viktor N. Grigoryev, Research Institute of the Federal Penitentiary Service (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Aleksandr V. Pobedkin, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: apobedkin71@mail.ru

Keywords: change of scientific task, criminal procedure, reduction of criminal trial prices, constitutional rights and freedoms, criminal procedural safeguards, decriminalization, bureaucratic layers of criminal trial, Internet technologies.

DOI: 10.17223/9785946217637/4

The resources for both normal functioning and further development of criminal proceedings are sought in the reducing of procedural safeguards, making a confession of guilt a factor decisive and sufficient for conviction, and shifting the burden of proof to the one being sued. For more than 15 years, the formal structure of criminal procedure has been steadily simplified; new reduced special procedures are being introduced. The spiral of simplification keeps spinning, while the desired goal is still out of reach.

Numerous attempts to “simplify” the criminal procedure in order to make it cheaper and facilitate the work of the bodies and officials engaged in criminal proceeding (such as investigators, interrogating officers, and judges) have stalled so far.

Because of various reasons, subjective interests among them, resources are sought out by canceling or explicitly narrowing the scope of procedural safeguards that embody constitutionally relevant provisions. What it concerns is not only rights and freedoms of citizens involved in criminal proceeding. These simplified procedures reduce the effectiveness of the correct circumstances establishment in a criminal case; they prevent both criminal proceeding officials and society from having a confidence of identifying and convicting real perpetrators. Consequently, guarantees of national security are affected and population starts thinking less of the authority of the law.

Simplification of the formal procedural structure, when not limited to well-considered and scientifically-based limits and focused exclusively on such things as falsely understood professional interests and fetishized economy of resources reached by reducing the procedural safeguards level, is always fraught with the danger of contradicting the common interest of society and the state in protection against crime.

This dead-end direction is chiefly caused by the inadequacy of the main resource content definition. The legislator regards even the simplification of the work of the criminal justice bodies not in the scope of eliminating bureaucratic layers, but rather in terms of limiting the procedural safeguards, which are the exact reason for criminal procedural law to exist as an independent branch of law.

First of all, a legal regulatory framework should provide the civil society public need of a fair justice; and least of all – the interests of the Themis servants, including a convenient form of serving justice.

There are other possible ways out of the impasse:

- to reduce the burden on the criminal justice system by rational decriminalization, and clear the Criminal Code of the Russian Federation from prohibitions caused by short-term considerations;

- to exclude as much as possible bureaucratic layers from both procedural relations and departmental instructions, returning procedural independence to investigators and vesting interrogating officers with the basic elements of it, as powers of the latter have little difference from that of investigators by now;

- to intensify the judiciary officials work via introducing standardized forms of legal proceeding and focusing on computerization of criminal proceeding;

- to develop options for introducing blockchain technologies as one of strategic directions of the criminal proceeding scientific support.

REFERENCES

1. President of the Russian Federation. (2016) Decree No. 683 of the President of the Russian Federation of December 31, 2015, “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 1(2). Art. 212. (In Russian).
2. Federal Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2014) *Stenogramma parlamentskikh slushaniy na temu “Voprosy sovershenstvovaniya ugolov-*

- nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: tendentsii i perspektivy*". 24 iyunya 2014 goda [Transcript of parliamentary hearings on the topic "Issues of improving the criminal legislation of the Russian Federation: trends and prospects." June 24, 2014]. Moscow: Federal Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. [Online] Available from: <http://www.crime.vl.ru/media/stenogramma.pdf>. (Accessed: 13th March 2018).
3. Pronyakin, A.D. (2017) Uproshchennoe sudoproizvodstvo kak put' k otkazu ot pravosudiya [Simplified legal proceedings as a way to renounce justice]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 4(60). pp. 27–30.
 4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Ugolovnoe i ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo Rossii: osnovnye problemy primeneniya i napravleniya sovershenstvovaniya* [Criminal and procedural legislation of Russia: The main problems of application and areas for improvement]. [Online] Available from: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=11299. (Accessed: 13th March 2018).
 5. Zenovina, V. (2017) *Po mneniyu nauchnogo soobshchestva, v Rossii nuzhno prinyat' kontseptsiyu razvitiya ugolovnoy politiki* [According to the scientific community, it is necessary to adopt the concept of the development of criminal policy in Russia]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/news/1096082/#ixzz4aoXYi8ed>. (Accessed: 13th March 2018).
 6. Astafyev, Yu.V. (2014) Uchastie operativno-rozysknykh organov v rassledovanii prestupleniy: zabytyy opyt proshlogo [Participation of operational-search bodies in the investigation of crimes: the forgotten experience of the past]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess – Judicial Authority and Criminal Process*. 3. pp. 180–185.
 7. Abramenko, L. (2005) *Poslednyaya obitel'. Krym, 1920–1921 gody* [The Last Abode. Crimea, 1920–1921]. Kyiv: MAUP.
 8. Frantsiforov, Yu.V. (2015) Obespechenie prav i zakonnykh interesov uchastnikov protsessa pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme [Ensuring the rights and legitimate interests of participants in the process in the production of inquiries in an abbreviated form]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess – Judicial Authority and Criminal Process*. 4. pp. 146–150.
 9. Tarasov, A.A. (2016) Protokol sudebnogo zasedaniya po ugolovnomu delu: o dopustimosti i poleznosti nekotorykh analogiy [Minutes of the court hearing in a criminal case: on the admissibility and usefulness of some analogies]. *Biblioteka kriminalista*. 29. pp. 137–143.